

A hand is shown from the top, reaching down towards a pile of diamonds scattered on a dark, checkered floor. A silver and black folding knife lies on the floor next to the diamonds. The background is a black and white checkered pattern.

Я думал, что женился на актрисе,
а женился еще и на писательнице.
Когда Нина выпустила свою книгу
«Роман с Постскриптумом»,
я был уверен — продолжение будет.
Но не знал, что буду им зачитываться
и оно окажется столь увлекательным.

Алексей Пушкив

НИНА ПУШКОВА

БОГИНЯ
ПОБЕДЫ

Нина Пушкова
Богиня победы

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пушкова Н. В.

Богиня победы / Н. В. Пушкова — «РИПОЛ Классик», 2018

ISBN 978-5-386-10579-2

Не всегда бриллианты – лучшие друзья девушек, иногда они сильно осложняют им жизнь. Так и случилось с Никой: она неожиданно стала обладательницей целого состояния – и его заложницей. Ее жизнь круто изменилась. За ней по пятам шли профессиональные киллеры. Ведь за бриллиантами всегда приходят – бесхозными они не бывают. Москва, Северный Кавказ, Брюссель, Сингапур, Лондон – нигде не было спасения, пока у Ники не появился таинственный защитник. Криминальный триллер Нины Пушковой возвращает читателя в атмосферу «лихих 90-х», когда грань между жизнью и смертью была тонкой, как никогда.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-10579-2

© Пушкова Н. В., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нина Пушкина

Богиня победы

Посвящается моему отцу, которого я почти не знала.

РИПОЛ
КЛАССИК

© Пушкина Н. В., 2018

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

ПРОЛОГ

Гул нарастал с каждой секундой, и вот он уже сменился свистом и воем такой силы, что казалось, барабанные перепонки не выдержат, лопнут. Мир перестал быть цветным, смешавшись в бурое месиво.

По вздыбившейся земле бежал человек. Кровь стучала в висках, сердце обрывалось и проваливалось в пропасть с каждым разрывом бомбы. «Господи Иисусе, Иже еси на небеси... Да святится имя Твое, да будет воля Твоя... Спаси их, спаси и сохрани!.. Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя... Спаси их, сохрани их!.. Иже еси на небеси...» Он не понимал, откуда рождаются эти слова, которым его никто никогда не учил, они сами вырывались наружу. Он бежал и осипшим голосом отчаянно пытался докричаться до Бога: «Спаси их!..»

На секунду все стихло, как будто Бог остановил ад на Земле. Человек замер, прикидывая подлеты. Он знал, что эта передышка ненадолго: американцы любят заходить звеньями – по четыре бомбардировщика в каждом звене. Значит, как минимум у него есть пять – семь минут, прежде чем они развернутся и зайдут на очередной круг.

Свою машину он увидел, когда выскочил на небольшую площадь. Догорающая, она стояла прямо перед ним, но внутри никого не было. Чернь ей дым клубами уходил вверх, как указующий перст Бога: «Ищи здесь». Преодолев груды вывороченных досок, кирпичей, искореженного металла, пробравшись сквозь завесу пыли и сажи, он замер.

Неужели...

Он узнал бы ее, даже если бы улицы не освещались всполохами пожаров. Она лежала неподвижно. Ее белая блуза и широкие шаровары потемнели от запекшейся крови. Еще не веря в то, что ее нет, но уже зная и страшась того, что увидит в следующее мгновение, он дрожащими руками приподнял непривычно отяжелевшее, безвольное тело жены. Под ним, скорчившись, лежало маленькое тельце дочери. Она еще дышала, но едва-едва. Он неловко сгреб в беспомощные объятия то, что совсем недавно было его семьей. Уткнулся лицом в спутанные, пропахшие гарью волосы жены. На стиснутых зубах закрипел песок. Он не плакал, он был – протяжно, по-волчьи.

Глава 1

Ника устало бродила по кладбищу в поисках нужной могилы, останавливаясь у каждого надгробия. С эмалевых овалов на нее взирали незнакомые люди, в глазах рябило от цифр с прочерком между дат: рождение, смерть, посерединке – жизнь, уместившаяся в коротком тире... Когда стало трудно различать полустертые буквы, Ника с удивлением заметила, что уже наступили сумерки.

Кладбище опустело. Людей, скорбно стоявших у могил, прогнал зарядивший дождь. Поднимался ветер.

За спиной что-то зашуршало. Вздвигнув, Ника обернулась и увидела, как от соседней могилы отделилась невысокая фигура, завернутая в черный целлофан. Из-под острого капюшона красными слезящимися глазками на нее щурилось кладбищенское существо – из тех, что живут рядом с миром мертвых. Какое-то время существо не двигалось, словно оценивая хрупкую фигурку, стоящую перед ним.

– А у нас гости, – хихикнул бомж, обнажив темные остатки зубов.

Ладони в карманах толстовки моментально вспотели от страха. Страх надо было преодолеть. Ника судорожно сжала нагретую рукоятку ножа. Нашупала кнопку и резко вынула руку. Острое лезвие, громко щелкнув, послушно выскочило наружу. Держа нож перед собой, Ника шагнула к мужчине.

– Смерти ищешь? Она рядом! – произнесла глухо.

– Сумасшедшая! – истошно завопил бомж, отшатнулся и, споткнувшись о край могильной ограды, наступил на подол своего импровизированного плаща. Выскользнув из него, он мгновенно растворился в темноте.

Целлофан, подхваченный порывом ветра, черной птицей пролетел вдоль надгробий и шумно прибил к гранитной стеле.

Когда шаги стихли, Ника осела, прислонившись к холодному камню. Сердце стучало гулко, готовое вырваться из груди. Она была жутко напугана! Ей хотелось кричать, плакать, звать на помощь – все что угодно, но только не искать нужную могилу. Зачем она пришла на это страшное кладбище?! Здесь бродят живые мертвецы, и самое лучшее, что можно сделать, – поскорее бежать отсюда!

Дождь продолжал накрапывать. Девушка встала, на негнущихся ногах приблизилась к надгробию и сняла с него целлофан. Укрыться? А то совсем можно промокнуть...

Пытаясь справиться с непослушным трофеем, Ника мельком взглянула на соседнюю плиту. «Спиридонова Марианна Борисовна (1934–1990)», – прочла она стертые буквы с облупленной позолотой. Отшвырнув целлофан, Ника опустилась на колени, перечитывая надпись снова и снова.

– Вот она, Марианна, вот она, наконец-то! – пробормотала девушка, боясь поверить в свою удачу.

Едва справляясь с нетерпением, она начала лихорадочно ковырять ножом слежавшуюся могильную землю. В свежее углубление положила полотняный мешочек, оцетинившийся иголками. Взяла горсть земли, сыпала в пакет и спрятала в карман. Затем тщательно закопала ямку и для верности утрамбовала кроссовками взрыхленный дерн.

Переведя дух, посмотрела в небо. Дождь усиливался. Где-то там, за тучами, плавала полная луна.

Ника сняла со стелы целлофан, отряхнула, проделав ножом дырку в середине черного полотна, надела его через голову и, став почти невидимой в сгустившейся темноте, заторопилась к выходу.

Она двигалась, ориентируясь на редкую цепочку фонарей, тускло освещавших трассу. Когда до шоссе оставалось метров триста, Ника остановилась, прошептала: «Живая земля – живым, а мертвая – мертвым», отряхнула кроссовки, перелезла через невысокий забор и припустила к тускло блестящей впереди дороге. Поднявшись по дорожной отсыпке, энергично замахала рукой проезжающим машинам.

Дождь разошелся не на шутку. Машины мчались мимо, окатывая Нику веером брызг. Никто и не думал останавливаться, но из-за ливня водители все-таки сбрасывали скорость. Ей наконец повезло: белый «жигуль», замигав поворотником, притормозил у обочины. Подбежав к машине, девушка крикнула:

– Пожалуйста, довезите до города!

В салоне она разглядела троих: пожилую пару и мальчика лет двенадцати. «Внук, наверное», – подумал Ника.

– Вы одна? – опустив стекло, спросила с переднего сиденья седая женщина.

– Да! Да, я одна! – торопливо закивала Ника. – Я на кладбище заблудилась, а тут дождь, и стемнело быстро. Еле нашла калитку! Не оставляйте меня здесь, пожалуйста! Если вам некогда, то хотя бы до главного входа подбросьте! Может, автобус подъедет... Я к бабушке на могилу ездила, – добавила она жалостливо.

– Да какой сейчас автобус? Вон, десять часов уже. Дима, открой дверь, – повернувшись назад, сказала женщина мальчику.

Ника сорвала с себя целлофановый балахон и юркнула в теплую, сухую утробу автомобиля.

Мальчик подвинулся, давая ей место. Ника заметила, что у него не было руки до локтя. Стесняясь красивой случайной спутницы, он всячески пытался скрыть свое увечье. От неловкости Ника понесла что-то преувеличенно бодрое, стараясь не смотреть на пустую складку его рукава.

Ее о чем-то спрашивали, она что-то говорила в ответ, а внутри все ликовало: «Получилось, получилось! Я все сделала, все! Теперь все будет так, как я задумала...»

Мимо мелькали фонари, сливаясь с огнями встречных машин. Разомлев в тепле, Ника начала клевать носом. Из блаженный дремы ее вывел голос седой спасительницы:

– Так куда тебе? Дом твой где? Заснула, что ль?

Ника сразу даже не сообразила, что обращаются к ней.

– Улица Обручева, 84, – быстро произнесла она, как будто это и впрямь был ее домашний адрес.

– Ну, это рядом. Это мы сейчас сделаем, – с облегчением ответил мужчина с водительского сиденья.

Через три минуты «жигуленок» остановился у красно-белой девятиэтажки.

– Спасибо вам огромное! Вы меня здорово выручили. Бог вам поможет за вашу доброту, – сказала она. И, взглянув на мальчика, с которым целый час ехала в машине, неожиданно для себя добавила: – И Диме тоже! – Она произнесла это так уверенно, словно что-то знала наперед.

Машина, мигнув красными огоньками, уехала. А Ника осталась стоять перед домом, который разыскивала эти долгие две недели. Дождь прекратился. Девушка шла по мокрому асфальту и, не замечая луж, вглядывалась в таблички с номерами квартир над дверями подъездов. Вот она, нужная дверь.

Кодовый замок в подъезде был сломан. Лифт доставил ее на седьмой этаж.

Вот она, та квартира, где живет несчастье их семьи. «Теперь можно сказать – *жило*», – мелькнула мысль.

Вытащив из сумки пакетик, Ника насыпала землю длинной дорожкой на темно-коричневый половичок перед входной дверью и, едва шевеля губами, тихо зашептала:

Как вода и огонь ненавидят друг друга,
Так и вас разлучит оголтелая вьюга,
Посылаю заклятье и демона шлю.
Вы друг другу не скажете слово «люблю».
Я открою свечам ваше имя в ночи,
Пусть слепая любовь угорит от свечи.
Схороню все остатки в могиле сырой,
И тогда ваша страсть обретет упокой.
Аминь! Аминь! Аминь!

Для того чтобы заклятие на кладбищенской земле подействовало наверняка, надо было, чтобы входящие или выходящие из квартиры обязательно на нее наступили, – Ника хорошо это помнила. Поэтому для верности она решила не ограничиваться одной полоской и разметала землю по всему коврику.

Ну вот, теперь точно наступят....

В темных ворсинках циновки земля была почти не заметна.

– Получи то, чем сама занималась. Умри, сука! – яростно прошептала Ника в закрытую дверь.

Через секунду она уже спускалась по лестнице.

Прошедший дождь буквально залил город. В черных озерах луж плавали огни рекламы, вода гулко шумела в водостоках. Промокшие кроссовки чавкали и хлюпали на каждом шагу.

До закрытия метро оставалось несколько минут. Но Нике и тут повезло: рассыпая на ходу искры, внезапно появился троллейбус. Девушка что было сил припустила к остановке и успела вскочить на подножку.

Улица была пустой, и троллейбус домчал ее до метро, не останавливаясь.

В вагоне Ника оказалась единственной пассажиркой. И тут ее накрыло: в горле что-то сжалось, задергалось, и внезапно рекой хлынули слезы. Она глотала их, руками зажимала рот, пытаясь подавить судорожные всхлипы. «Успокойся, – говорила она себе, – успокойся. Все позади, все будет просто супер!»

Но самовнушение не помогало.

Она выскочила из поезда, рыдая уже в голос, и плач ее гулким эхом разносился под высокими сводами пустынной станции.

Прыгая через ступеньки уже остановленного эскалатора, Ника понеслась вверх. Еще немного по проспекту – и она дома. Все слезы были выплаканы, глаза высохли, вот только дыхание никак не выравнивалось – как в детстве после долгого плача.

Войдя в лифт, она сделала последнюю попытку успокоиться – нельзя же так входить в квартиру.

Открыла дверь и, стараясь не шуметь, наклонилась, чтобы снять отяжелевшие от влаги кроссовки, и в то же мгновение ее ступни оказались на мокром полу. Не успев ничего осознать, Ника решила, что кто-то пролил воду в коридоре. В темноте она двинулась туда, где, тускло отражаясь в воде на полу, блестела узкая полоска света. Свет шел из полуприкрытой ванной комнаты: горел светильник на зеркале. Шторка была задернута наполовину. За ней виднелась переполненная до краев ванна.

Как сомнамбула, Ника приблизилась и медленно-медленно стала отодвигать ткань в синенький цветочек. Над черной водой белело лицо. Глаза были закрыты. Лицо было настолько неестественно, настолько мраморно-белым, что почти сливалось с бортиком ванны и кафелем. В первое мгновение Ника не узнала собственную мать.

Глава 2

Сосо Махарадзе любил наличные деньги. Любые – рубли, марки, доллары, даже турецкие лиры. Нет, золото и драгоценности он тоже уважал, но «налик» его устраивал больше. Что-то было влекущее в этих шуршащих бумажках, которые сами по себе вроде бы не представляли особой ценности. Бумага и бумага. Но если на ней изображен, допустим, американский президент с шершавым воротничком, то удовольствия Сосо получал больше. И от Ильича получал. А золотые слитки или камушки столь сильного впечатления на него не производили.

– Это что – часть общака? – спросил он своего помощника Карена. Тот был правой рукой Сосо и отвечал как раз за общак.

– Да, это вложения якутских. У них там этих камушков хоть ж... ешь, ну, регион такой. Так вот, они вместо бабок прислали.

Сосо поедал лобио, запивая его любимой «Хванчкарой». Они с Кареном сидели в петербургском ресторане «Руставели», который негласно принадлежал Сосо. Отдельный кабинет, где был единственный стол, за которым и пищу вкушали и решали многочисленные вопросы.

– На сколько это потянет? – спросил Сосо, глядя на блестящую кучку драгоценных камней. – В реальных деньгах?

– В баксах, в смысле?

– Лучше в баксах. Наши деревянные сейчас каждый день обесцениваются. Сегодня одна цена, завтра – другая...

Карен пригубил вино и возвел глаза к потолку:

– Лимонов десять, я думаю.

– Ого! Десять миллионов долларов! Это прилично...

Сосо попытался представить эту сумму в виде наличных денег. Туго перехваченные бумагой пачки «зеленых» быстро громоздились одна на другую. Сотенные идут по сто штук в пачке, значит, таких пачек будет тысяча. Это ж ни в какой дипломат не влезет!

Даже в чемодан не влезет, нужен большой мешок!

– Надо же, – сказал он, – такая маленькая кучка камней, а какие деньги!

– Так брюлики же! – отозвался Карен. – Они хотели алмазами вначале дать, ну, без обработки. Но я сказал: гоните брюлики, пацаны! Алмазы – они же сырье, их еще обработать нужно, значит, лишняя засветка. А эти можно в тайничке провезти через границу и продать в Европе за живые бабки!

– В Европе, говоришь... – Сосо задумался. – Перевозка через границу – тоже риск. А деньги потом как назад везти? Можно безналом, конечно, но тоже геморрой, придется объяснять, откуда бабки взялись...

Он вдруг вспомнил о том, что ореховские из Москвы тоже недавно стали держателями части общака. И на последней сходке высказались в том духе, что их долю не мешало бы повысить. Сосо пообещал – с ореховскими ссорится не было смысла: жесткие ребята. Но реальные деньги, как только появлялись, тут же куда-то вкладывались. Обстановка в стране была такая, что только успевай снимать навар! Купил, продал, получил маржу, и сразу надо делать следующее вложение, чтобы не упустить момент. Случалось, что и общаковские деньги шли в дело, правда, потом опять возвращались в казну. От Сосо редко требовали предьяву, но кое-кто из заклятых друзей, в принципе, мог это сделать, и тогда было нужно, чтобы казна была продемонстрирована в целостности и сохранности...

– Мы за партию водки из Финляндии расплатились? – спросил Сосо.

– Еще нет, – ответил Карен.

– А когда ее разгрузят в порту?

– Послезавтра.

– И сразу бабки потребуют?

– Сразу.

Сосо доел лобии и утер салфеткой рот:

– Вкусно готовят, молодцы... Ну, тогда нам наличные понадобятся, верно?

– Еще как понадобятся! – отозвался Карен.

– А не камушки всякие.

– Это точно, брюлики тут не при делах...

Сосо еще немного подумал и сказал:

– А отвези-ка ты эти брюлики в Москву. Ореховские ведь хотели получить часть общака?

Так пусть подавятся!

Карен ухмыльнулся:

– Хорошая идея! Вроде и обещанное даем, и геморрой с себя снимаем... Только как мне ехать? С водкой-то я должен вопрос решать!

– Тогда поручи кому-нибудь из своих. Только чтоб надежный был, не просрал камушки по дороге.

– Найдем надежного пацана... – вставая, сказал Карен.

Он решил поручить это дело Кирпичу. Леха Кирпичев по прозвищу Кирпич был бугай, которого хрен завалишь – от десятерых, если надо, отобьется. К тому же он был исполнительным и молчаливым, а главное, лишних вопросов не задавал. Надежного здоровяка нередко использовали для специфических поручений. Вот и сейчас выбор Карена пал именно на него.

– Отвезти надо кое-что в столицу, – сказал Карен Кирпичу.

– Надо – отвезу.

– С ореховскими придется побазарить.

– Надо – побазарю.

– На рожон лезть не обязательно, просто отдай камушки, и все. Ты не решал, скажи, ты курьер от Сосо.

– А что за камушки?

– Дорогие камушки. Долей общака с ореховскими делимся, так что береги их, как собственные яйца.

– Понял, – сказал Кирпич. – Мне одному ехать?

– В Москву поедешь один. На вокзале тебя наш человек встретит, Димоном зовут. Он из московской братвы, все ходы и выходы знает. Если что – тебя прикроет.

В «Красной стреле» Кирпич уложил мешочек в кобуру с «большой» и спрятал под подушку. Перед выходом из поезда камни перекочевали во внутренний карман, под молнию. Выйдя на перрон, Леха огляделся. Крепкий парень в такой же, как у Кирпича, кожаной куртке, стоявший в сторонке, приблизился и настороженно взглянул на гостя:

– Ты, что ли, от Сосо?

– Ну, я.

– Тогда пошли. Стрелка через час, опаздывать нельзя.

Димон в последнее время работал в одиночку, отколовшись от московского преступного сообщества. Когда сам себе хозяин и не пашешь на авторитета, выгод больше, хотя и опасностей больше. Поэтому на всякий пожарный Димон избрал покровителем не местного «крестного отца», а питерского – Сосо Махарадзе. Тому был нужен стукачок в «южной столице», который отслеживал бы там все пертурбации и доносил о них покровителю. А Димону нужен был тот, кто смог бы выручить в кризисных ситуациях.

Не так давно Димон взял под «крышу» несколько новых обменников и поначалу кайфовал, снимая с них жирный навар. Это был вроде как его индивидуальный бизнес, поэтому делиться он ни с кем не собирался. Но один из обменных пунктов оказался как раз на террито-

рии ореховских. С него потребовали ежемесячно отстегивать очень и очень серьезную сумму, поэтому на группировку у него был зуб.

– Уроды! – бубнил Димон в машине, пока они ехали по московским улицам. – Сами работать не хотят – норовят на чужую шею сесть и ножки свесить! Так что я с ними базарить не пойду – гнилой базар может получиться. Ты давай сам, паря, а я, если что, впишусь. Годится?

– Годится... – одним словом ответил Кирпич. По идее, серьезных разборок не предполагалось: все-таки ехал не чужое забирать, а отдавать свое.

Димон высадил его на углу высотного здания у продуктового магазина, где можно было припарковаться.

– Я дальше не пойду, – сказал он. – А тебе нужно обойти дом и зайти со двора. Там будет вывеска «Спортклуб». Возле него и назначена стрелка.

Кирпич огляделся. На всякий случай снял с предохранителя «волыну» и отправился вокруг дома.

Под вывеской «Спортклуб» стояла группа крепких парней в косухах. Среди них выделялся один в малиновом пиджаке – он-то и заговорил с Кирпичом. Причем заговорил неожиданно жестко:

– Ты чего нам фуфло подсовываешь?! Это, может, стекляшки обычные!

– Так проверить же можно... – пожал плечами Кирпич. – Ювелира позвать.

– Ага! Может, еще в Кремль на экспертизу отнести? В этот самый... в Алмазный фонд?

Ситуация накалялась с каждой минутой. Лидер ореховских терпеть не мог Сосо, и надо же какая удача – представился случай наехать на его курьера и всласть на нем потоптаться. Один из шестерок лидера плюнул на ботинок Кирпича.

– Вытри... – процедил сквозь зубы Леха.

– А ху-ху не хо-хо? – нагло ответил парень.

Последовал короткий, но мощный удар, отправивший обидчика на грязный асфальт. Остальные тут же выхватили «волыны». То же самое сделал и Кирпич – реакция у него была отменной. Он стал медленно отходить назад, держа на прицеле малиновый пиджак. Ореховские открыли пальбу первыми. Кирпич схватился за плечо и тоже сделал несколько выстрелов. Целил в авторитета, но того свои же повалили на землю, чтобы спасти ему жизнь.

Кирпич забежал за угол, где стояла машина с включенным двигателем.

– Прыгай в тачку! – прокричал Димон, завидев его.

Кирпич, обернувшись, еще дважды выстрелил, после чего повалился на заднее сиденье. Машина рванула с места. В зеркале заднего вида Димон успел заметить бандитов, выбежавших из-за угла. Стрелять на людной улице они не рискнули.

Машина свернула направо, потом налево и выскочила на трассу.

– Ничего, оторвались... – пробормотал Димон. – Ты там как?

С заднего сиденья никто не ответил.

Чуть сбавив скорость, Димон обернулся. Питерский гость лежал на сиденье, закрыв глаза.

– Эй, ты чего?! Сильно задело, что ли?

Димон вырулил на обочину, вылез из машины и открыл заднюю дверцу. Кирпич не шевелился. И пульс у него не прощупывался. Когда же Димон увидел закатившиеся глаза, приподняв пассажиру веки, стало ясно – пацану кирдык.

Вокруг было безлюдно, лишь иногда проезжали редкие машины. Димон засунул руку во внутренний карман куртки убитого, нащупал там какой-то мешочек и быстро переложил к себе. Бумажник обнаружился в другом кармане.

Покончив с «формальностями», Димон не без труда вытащил грузное тело, уложил на обочину и, впрыгнув в машину, дал по газам. Он решил все свалить на ореховских. Мол, это они завалили питерского гонца, а что там было у него в карманах, откуда ж ему, Димону, знать.

Глава 3

«Ну возьми же, возьми трубку!» – стиснув зубы, молила Ника. Ее всю трясло. Но в ответ заунывно тянулись длинные гудки. Постепенно они вогнали ее в какой-то транс. Уронив трубку на колени, она застыла в кресле. Сколько времени она так просидела, Ника не знала. В себя ее привел голос, раздавшийся в прихожей:

– Есть кто живой?

Голос принадлежал соседке по лестничной клетке, тете Свете, маме бывшей Никиной одноклассницы.

Нащупав выключатель, женщина включила свет. Увидев бледную как смерть Нику, она явно перепугалась:

– Случилось что, Ника?! Где мама, где отец?

Ника съежилась и вновь затряслась в беззвучных рыданиях. У нее уже не было сил плакать, но спазмы все душили и душили горло. Тетя Света обняла ее, пытаясь успокоить и выяснить, где родители. Увидев, что ничего не помогает, бросилась в кухню за водой, но, шагнув в коридор, закричала:

– Ника, у тебя же потоп! Где ведро? Беги помогай скорее!

Как ни странно, это вывело Нику из оцепенения. Она метнулась в чулан, схватила ведро и тряпку, а из ванной уже неслись испуганные крики соседки:

– Боже мой, как же это? Что же это? Ты «скорую» вызвала? Господи, она же мертвая! Ужас-то какой... Ужас!

Боясь зайти в ванную, Ника забормотала:

– Тетя Света, я хотела, чтобы папа был... Чтобы сестра пришла...

Она отжала тряпку в ведро. Вода была розовой. Ника замерла, мокрый жгут выпал из рук и шмякнулся на пол.

– Ну так зови всех! Но только сначала нужно милицию и «скорую»!

Не дожидаясь, пока Ника выйдет из ступора, соседка махнула рукой и метнулась к телефону. Как сквозь вату, Ника слышала ее возбужденный голос:

– Я иду с дежурства, вижу – дверь открыта у соседей. Вошла, а здесь покойница. Что? Адрес? Пишите. – Она продиктовала адрес. – Я кто? Соседка. Терентьева... Светлана Николаевна... Послушайте, что вы все вопросы задаете? Вы приезжайте! Дома дочка, но она никакая! А «скорую» вы будете вызывать? Хорошо, приезжайте! Терентьева я, Терентьева! Никакого обмана. Приезжайте уже! – Она сердито бросила трубку на рычаг. – Видишь, милиция какая пошла – то ли розыгрышей бояться, то ли работать не хотят, и «скорую» нам надо самим вызывать...

Она набрала «03» и заговорила уже с пониманием ситуации:

– «Скорая»? Пишите адрес! Тут человек перерезал себе вены. Она моя соседка. Обнаружила случайно... Фамилия Терентьева. Когда возвращалась с дежурства, увидела, что дверь открыта. Зашла, а здесь такая трагедия... В квартире дочка, студентка, она с моей в одном классе училась...

Закончив разговор, тетя Света передала трубку Нике. Та опять позвонила отцу, но в трубке по-прежнему тянулись безответные гудки. Немного помедлив, Ника набрала номер сестры.

Через пару минут в трубке раздался сонный голос:

– Это кто?

– Наташ, мама умерла. Приезжай!

– Как умерла?! Когда?! Что ты несешь?!

– Приезжай, Наташенька, пожалуйста! Мама...

Ника силилась закончить фразу, но слезы мешали.

Комната постепенно наполнялась людьми. Шумно протопал наряд милиции из трех человек, отрывисто переговариваясь, вошла бригада врачей. «Скорая», как ни странно, появилась быстро, огласив сонный двор воем сирены, правда, непонятно было, зачем ее включать. Все происходило, как в дурном сне. Нике задавали какие-то вопросы, она что-то путано объясняла. Кружилась голова и слегка подташнивало. А сестра все не ехала. Тетя Света подвела к Нике доктора. Он оттянул ей веко холодным жестким пальцем, измерил давление. Открыл саквояж и, вскрыв одну из ампул, что-то вколол в вену. Прижимая к безвольной руке Ники ватный тампон, он вполголоса обратился к милиционеру:

– У девушки шок. Давление очень низкое, слабая совсем... Отложите выяснения до утра.

Опираясь на плечо тети Светы, Ника добрела до дивана и провалилась в небытие. Очнулась она в больничной палате.

Глава 4

Елена была единственной дочерью художника Никитина, известного на весь Советский Союз. Он был не только наделен большим талантом, но и обласкан властью. Его выставки никогда не запрещали – наоборот, большие начальники мечтали заполучить портрет его кисти. Никитину даже поступали зарубежные заказы – от лидеров компартий. Он ездил в Болгарию писать портрет Тодора Живкова, в ГДР – Эриха Хонеккера, в Испании писал знаменитую революционерку Долорес Ибаррури. Словом, в семье были деньги, а вот счастья было немного. Родители развелись, когда Лена закончила художественное училище. Квартиру Никитин оставил бывшей жене и дочери. Лене он потом много помогал – и с устройством выставок, и с заказами. Как художнику ему было радостно, что его талант нашел продолжение в дочери.

Елена вышла замуж вскорости после того, как отец ушел из семьи. Ее муж – скромный художник-оформитель – переехал к ним, в их роскошную квартиру, и даже взял фамилию жены: ему льстило, когда спрашивали, не сын ли он того самого знаменитого Никитина. В ответ он лишь загадочно улыбался, оставляя у всех ощущение, что именно так оно и есть.

Однако семейная жизнь Лены сложилась странно: каждый из супругов жил как-то отдельно, сам по себе. Поначалу молодая жена с энтузиазмом принялась налаживать совместную жизнь, но постепенно разочаровалась, видя, что ее усилия ни к чему не приводят. Чем дальше, тем больше муж отстранялся, через несколько лет он даже перестал приходить на ее выставки, и свои творческие успехи она переживала в одиночестве. Лена силилась понять – отчего так, что за этим стоит? Творческая ревность или что-то другое? Любил ли он ее вообще? Иногда приходили на ум слова героини Фаины Раневской из какого-то фильма: «Вы любите не меня, а мою жилплощадь». Может быть, в этом и было дело?

Дочка, родившаяся в их браке, росла капризной, ленивой и недоброй. Елена искала причины и, неизменно виня себя, пыталась что-то исправить: отправляла няню домой и начинала сама заниматься с девочкой – читать с ней, рисовать, играть на рояле, разучивать песни. Но дочь быстро начинала скучать, отвлекалась и в конце концов теряла интерес.

Так и жила Лена с непонятно откуда взявшимся чувством вины перед семьей. И никто не мог подсказать ей выход из тягостной ситуации.

Однажды, накануне Нового года, в профкоме Союза художников Лену попросили съездить в Пушкино, в Дом малютки, поздравить сирот и провести с ними урок рисования.

Сойдя с электрички и поплутав по улицам, Лена вошла в мрачноватое серое здание. В коридорах стоял неистребимый запах хлорки, в актовом зале, где проходил праздник, пахло кухней. Лене стало неуютно, захотелось поскорее уйти и никогда больше не возвращаться в это унылое место. Кто бы мог подумать, что скоро она будет приезжать сюда почти каждый день!

Причиной тому стала маленькая зеленоглазая девочка, которая неожиданно возникла перед ней, доверчиво протягивая свой рисунок.

– Я тоже умею рисовать! – сказала малышка.

Лена удивленно взглянула на рисунок. Казалось, он был сделан поставленной рукой: гармонично подобранные краски, смелый мазок. Это был настоящий этюд, скорее всего, выполненный кем-то из взрослых. Однако воспитательница клятвенно заверила Лену, что никто в Доме малютки так рисовать не умеет, это действительно рисунок вот этой зеленоглазенькой девчушки по имени Нина.

Оказалось, Нина умеет не только рисовать. Как самозабвенно, как грациозно танцевала она под новогоднюю музыку! А когда гостье пришла пора уходить, малышка подбежала к Лене, поцеловала рукав ее кофты и сказала:

– Я тебя очень люблю! И буду ждать! Мне так с тобой хорошо!

Внутри у Лены все перевернулось. Пытаясь скрыть подступившие слезы, она улыбнулась Ниночке:

– Я тебя тоже люблю! Я обязательно приду к тебе еще. – И неожиданно для себя добавила: – Завтра.

А на завтра случилось очень много дел – как всегда перед Новым годом. К тому же позвонила мама – она приболела, врач выписал кучу лекарств, которые надо было купить и завезти на дачу. Лена помчалась к матери, затем в Союз художников за новогодним продуктовым набором, потом в магазин за подарками...

О своем обещании она вспомнила только поздно вечером, когда принимала душ. Будто кто-то под ложечку ударил, даже дышать стало трудно. Она наспех вытерлась, надела халат и бросилась к телефону. На другом конце провода никто не отвечал. «Это же телефон в кабинете директора, – дошло до Лены. – Конечно, она уже ушла с работы».

Наутро, когда она дозвонилась, директриса со вздохом сказала:

– Знаете, Леночка, наши детки любому вниманию рады, но потом отвлекаются и довольно быстро забывают – маленькие еще. Но Нина-то, Нина! Так и простояла весь день у двери, даже кушать идти не хотела – все вас боялась пропустить, сторожила-караулила. Нам не говорила, кого ждет, но мы-то поняли. Так что, по возможности, приезжайте почаще... Может, после праздников? Выбрала она именно вас.

Лена быстро собралась и поехала в Дом малютки в тот же день. Когда она входила в уже знакомое серое здание, сердце ее колотилось, точно она весь путь из города прошла пешком. Девочка с пронзительным счастливым криком выбежала навстречу и уткнулась в нее, обняв колени. Лена гладила малышку по пушистой головке, смотрела на мешковатую кофтенку, заправленную в сползающие нитяные колготки, на казенные войлочные тапки, и сердце сжималось от нежности и острой жалости. Она решила, что заберет ребенка немедленно.

Вопрос с формальностями был решен на удивление быстро: ей, дочери художника, писавшего портреты Хрущева и Брежнева, все справки выдали без проволочек.

В один из приездов, пока документы еще оформлялись, директриса, понизив голос, под большим секретом сообщила, что Ниночка – круглая сирота.

– Знаете, нас уведомили о гибели ее отца. Разведчика из «Мертвого сезона» помните? Так вот, нам показалось, что ее отец тоже...

Ой, да что это я? – спохватилась она. – В общем, искать Ниночку некому. Ваша она будет полностью.

– А что, бывает по-другому?

– Еще как бывает. Иной раз родители растят-растят – школа, кружки, институт. А потом, спустя лет пятнадцать, появляются какие-то забуддыги, бросившие ребенка умирать на автобусной остановке, и начинают права качать. Мы тебя, дескать, родили, корми нас!

Именно тогда Лена решила назвать Ниночку Никой – в честь богини победы. Чтобы победительницей была.

Наталья, ее кровная дочь, росла в других условиях, да и сама была другой. С самого детства она была пухлым ребенком, намного плотнее и крупнее своих сверстников. «Фундучок-бурундучок», – говорила про нее бабушка. Однако к переходному возрасту вес стал прибавляться просто катастрофически, и то, что раньше казалось милым, обратилось серьезной проблемой: Наталья стала толстой и некрасивой – над такими обычно смеются в школе. Она пыталась похудеть – делала упражнения, отчаянно крутила хула-хуп, но, бросив на себя взгляд в зеркало, с ненавистью отшвыривала обруч: терпения ей никогда не хватало. От диет толку тоже не было: Наталья перепробовала их с добрый десяток, но ни на одной не просидела и трех дней, срывалась. От неприязни к самой себе она делалась все угрюмее и капризней – вместе с килограммами копилась обида и злость. Как же она завидовала сестре! Стройняшка от природы, Ника росла очень хорошенькой. И все у нее получалось само собой: и училась легко, и

одежда всегда на ней сидела как влитая, даже домашние платья выглядели нарядно. В Нику вечно влюблялись мальчишки, и она, Наталья, проигрывала ей во всем.

Ника появилась в их семье, когда Наталье было почти семь. Наталью любили и баловали, и ничто не предвещало беды. Но однажды, когда бабушка привела ее из детского сада, Наталья вошла в кухню и увидела незнакомую маленькую девочку. Девочка сидела за столом на куче подушек, подложенных для удобства на стул, как принцесса на горошине. Наталья нахмурилась: и что здесь делает эта чужая девчонка? А мама, улыбаясь, сказала:

– Наташенька, это твоя сестра, Ника! Ты люби ее, она маленькая. Будешь защищать ее? Она тоже будет защищать тебя, когда подрастет, и будет любить. Вы станете сестричками и проживете вместе всю жизнь. Это ведь лучше, чем жить одной, правда?

Наталья набычилась и засопела:

– Ничего не лучше. Откуда она здесь взялась? Не хочу никакую сестру. Я собаку хочу!

Ника доверчиво улыбалась, глядя на толстенькую девочку. В плетеной сухарнице перед ней лежали сушки. Она взяла одну и протянула Наташе. Но та спрятала руки за спину и дернула плечом.

– Наташа, Ника жила в другом месте, – продолжила мама, – а теперь будет жить у нас. Ты обещаешь ее любить?

– Я не хочу, чтобы она жила у нас! – топнула ногой Наталья. – Где она будет спать? Она что, будет брать мои игрушки?

– Но ты же не жадная? Ты же будешь делиться? Ты ведь большая девочка, и тебе не все игрушки нужны!

– Ничего я ей давать не буду! Зачем она здесь? Я не хочу, чтобы она жила с нами! Отведи ее обратно, где взяла! – взвизгнула Наталья и оглянулась на бабушку в поисках поддержки: – Ба?!

Бабушка молчала и выразительно смотрела на маму. А мама вдруг рассердилась:

– Вот не думала, что у меня вырастет недобрая девочка! Это твоя сестра! И я скорее тебя оставлю жить у бабушки, чем отправлю Нику туда, где она была!

– Леночка, Леночка, я тебя умоляю, не надо так конфликтно! – произнесла бабушка незнакомое слово.

Это было для Натальи уже слишком. Мама – ЕЕ мама! – готова променять свою родную дочку вот на эту чужую, противную девчонку! Она плюхнулась на пол и, отчаянно суча ногами по полу, заорала истошным голосом:

– Я сама не буду с вами жить! Где папа? Уберите ее! Уберите! Иначе я ее задушу-у-у!

Ника не помнила этот разговор, эту их первую встречу. А вот Наталья запомнила на всю жизнь. Ярче яркого врезались в память все детали того ужасного дня: решительный и непреклонный тон матери, странное выражение лица бабки и особенно эта улыбающаяся живая кукла, рассевшаяся на ее, Натальином, стуле! Тогда в ее сердце впервые шевельнулась душная злоба, которая позже переросла в ненависть, распространившуюся и на мать. Она чувствовала теплое, участливое отношение матери к этой неизвестно откуда появившейся малышке. Тяжелая, рано сформировавшаяся ревность навсегда поселилась в ее душе.

С годами отношения выровнялись, но была в них глубокая червоточина. Наташа часто и подолгу болела, но в одну злосчастную зиму случилось ужасное: она умудрилась подхватить болезнь, которой обычно болеют маленькие дети! Она, Наташа, ученица выпускного класса, заразилась свинкой. Ее лимфатические узлы распухли настолько, что лицо, округлившись, практически срослось с плечами. Вот уж действительно свинка! Беда не приходит одна: в довершение катастрофы обострился отит, и Наташа вынуждена была постоянно носить некрасивый теплый платок, сложенный вчетверо. Платок был шерстяным и кусачим, голова под ним отчаянно чесалась и потела, а волосы из-под него выбивались редкими сальными пря-

дями. Она уныло сидела дома и грызла ногти, ненавидя и себя и весь мир. И надо же было случиться, что в тот раз домашнее задание принес мальчик, который ей очень нравился!

Он позвонил, дверь открыла Ника. Наташа успела сорвать с головы проклятый платок, но вид ее от этого нисколько не улучшился. Она, как в тумане, передала Игорю сделанные задания, забрала проверенные тетради, что-то стала писать в дневнике, а Игорь, будто потеряв дар речи, то и дело оглядывался на дверь, за которой скрылась Ника, явно в надежде, что она появится еще раз.

– А это кто? Сестра твоя? – глупо спросил он, хотя до этого они не раз встречались в школе. – Сестра твоя, да?

Наталья с трудом сдерживала злые слезы.

– Да какая сестра? Какая она мне сестра?! – сквозь зубы с ненавистью процедила она.

Ника стала красавицей внезапно, в 14 лет. Рядом с нею Наташа и без всякой свинки остро ощущала свою непривлекательность. Она так страстно ждала семнадцатилетия: няня Ксана обещала, что семнадцатая вода всю грязь смывает – и лицо похорошеет. Но нет, не хорошело почему-то лицо Наташи.

И вот теперь, когда юноша, о котором она мечтала, увидел ее в таком жутком, таком карикатурном виде, эта чертова Ника вылезла со своей красотой! Наталья готова была отдать все что угодно, чтобы та исчезла из ее жизни навсегда.

Глава 5

Когда Нике исполнилось семь, ее отправили с домработницей Ксаной в маленькое село на Донбассе – родину Ксаны.

В тот год отец и мать часто ссорились. Елена не хотела, чтобы дочь поняла, что причиной их ссор была она, Ника. Оксана много лет жила у Никитиных в московской квартире, знала все семейные тайны, в том числе про то, как Ника появилась в их семье. Девочку она обожала и, понятное дело, держала язык за зубами. А поскольку у самой ни детей, ни мужа не было, она с радостью приняла на себя обязанности няни.

В деревне у Ксаны был собственный дом – белая глиняная мазанка, затерявшаяся в глубине сада. Рядом с домом была летняя кухня с огромной печкой посередине комнаты. В кухне варили варенье, компоты, делали зимние заготовки из овощей. С тех пор как Ксана перебралась к Никитиным в Москву, в деревню она навещалась только в отпуск. И за это время успевала все переделать: и банки позакрывать, и дом побелить, и кухню обновить. Лена любила Ксану как родную и щедро одаривала ее безделушками и сувенирами, которые привозила из-за границы.

Ника впервые в жизни попала в деревенский дом, и он показался ей волшебным местом. А в кухню она просто влюбилась. Как же она умоляла няню перенести сюда постель и разрешить там жить! Но няня Ксана сказала, что люди на кухнях не живут, там живут только мыши, и они будут мешать ей спать по ночам. Ника расстроилась, но тут Ксана предложила поставить кровать в саду, и после обеда они будут там отдыхать. Эта идея понравилась девочке еще больше, и она подумала: «Хорошо бы переехать сюда из Москвы насовсем!»

Няня выдала ей ведро, тряпку, веник и велела навести порядок в маленьком домике.

Когда Ника, раскрасневшись от усердия, мела ступеньки, закричала калитка, и в сад вошли две соседки с целой ватагой детишек. Сарафанное радио уже доложило, что приехала Ксана, – «москвичка», как ее дразнили в деревне, – и привезла с собой хозяйскую дочку. Женщины пообнимались, поахали-по-охлали и пошли «до хаты» покалякать за чайком. А дети сбились в кучку и стали разглядывать городскую девочку, настороженно перешептываясь.

– Хлопцы, девчата, вы шо там застряли? Идите с дивчинкой познакомьтесь, – пропела одна из женщин.

Для Ники все тут было в новинку, все интересно. Она доверчиво шагнула навстречу, но «хлопцы и девчата» вдруг с гиканьем запрыгали вокруг нее, а один мальчишка, подскочив, бесцеремонно заглянул ей под юбку и завопил на весь двор:

– Да у нее же жопа голая!

Этот крик был подхвачен всей ватагой.

– Голая жопа! Городская морда! – стала кричать ребятня, бегая вокруг нее, дергая за юбку и за кофточку, а кто-то пребольно ухватил за косичку.

От внезапной обиды девочка застыла на месте. Она так ждала знакомства! Всю дорогу она спрашивала няню, есть ли в деревне дети. И вот эти дети сейчас плясали вокруг нее, как туземцы, выкрикивая обидные слова.

На шум вышла Ксана.

– Вы чего здесь галдите? – крикнула она с крыльца.

Со слезами на глазах Ника бросилась к ней в поисках защиты:

– Я им ничего не сделала, а они дразнятся!

Но ее слезы только раззадорили всю компанию. Дети, не стесняясь присутствия Ксаны, еще пуще загалдели, стали бегать друг за другом, беситься, а одна девочка обратилась к няне с вопросом:

– Тетка Аксюта, а почему у нее штанов нету?

– А ей штаны не нужны – на ней колготки надеты.

– Колготки?! Да голая жопа она у вас! Ей штаны надо носить!

В этой глуши, где на детей надевали что придется, где младшие донашивали за старшими, вместо колготок на девочках болтались почти до колен свисающие трусы, едва прикрывающая резинки, удерживающие хлопчатобумажные чулки. О колготках здесь и не слышали. И конечно, дорожная пелеринка, кофточка в затейливый цветочек, плиссированная юбочка – все тут смотрелось некстати, ярко и вызывающе.

Но няню этот галдеж не смутил. Неожиданно для Ники она посоветовала:

– Реветь здесь не смей, сопли нечего распускать – не поможет. Вон, видишь, дрын лежит? Если кто сильно обидит – хватай его и отходи как следует обидчиков!

Так началась для Ники школа жизни в этой деревенской глуши. Ни сама Ника, да и никто другой не мог тогда подумать, что она задержится тут надолго и в первый класс пойдет в украинской деревне.

В школе она сразу попала в изгой. Местные не могли смириться с тем, что учительницу Ника называет не «Зина Иванна», а «Зинаида Ивановна», чеканно выговаривая каждую букву. Да и украинское «гэ» никак ей не давалось, за что после школы дикая стая преследовала Нику до самого дома, скандируя хором дразнилки:

Гуси гогочут, город горит,
Каждая гадость на «гэ» говорит.

Были стишки и еще обиднее:

Гришка гад, гони гребенку,
Гниды голову грызут.

Это было настоящей травлей, и Ника в конце концов научилась драться до крови. Она приходила домой в разодранной одежде, с синяками, исцарапанной. Ей приходилось отстаивать свое право быть другой. Она продолжала называть учительницу «Зинаидой Ивановной» и не пыталась подражать местным в их малорусском суржики. Более того, на тетрадных листочках она рисовала на своих обидчиков карикатуры, и получалось похоже.

С этих рисунков и началось примирение враждующих сторон. Как-то Ника предложила своей соседке по парте вместе нарисовать поздравительную открытку. Она знала, что у ее мамы день рождения, и научила одноклассницу рисовать красивые китайские пионы.

Но настоящий триумф случился, когда выяснилось, что, тогда как деревенские только складывали по слогам М и А – в МА, Ника уже умела бегло читать, и учительница частенько давала ей поручение написать новые буквы на доске.

К тому же Ника знала очень много сказок. Когда учительница задерживалась, она пересказывала их всему классу, а дома, в нянином саду, они с деревенскими ребятами разыгрывали целые спектакли.

Девочка покорила местных, они ходили за ней табунами, с ней было интересно. Но, конечно, и у них она тоже многому научилась. Предоставленные сами себе, дети были не по возрасту приспособлены к выживанию в непростых деревенских условиях. Они научили Нику топить печку дровами, доить коз и коров так, чтобы не попасть под удар копытом, переплывать ставок, ловить рыбу на прутья, кидать камни-голыши через все озеро.

И самое интересное – они научили ее метать нож в маленький круг, очерченный на высохшем дереве. Именно в этом соревновании Ника сумела оставить позади всех деревенских мальчишек. Как победительница, она определяла размер круга, а в один из своих приездов на

каникулы, ей тогда уже лет 15 было, она привезла из города настоящую стрелковую мишень и ограничила цель для попадания до размеров небольшого блюдца.

Однажды к их компании подошел дядька Тимофей, колхозный механик, которого вся деревня звала «Тимоха-мершевец». Он был фронтовик, прошел всю войну. На День Победы за ним из района всегда присылали машину, и он, украсив грудь орденами, уезжал на митинг. «На парад», – как говорили деревенские. Они гордились дядькой Тимофеем, но никто из них толком не знал, что их «мершевец» – не простой фронтовик, а офицер-розыскник СМЕРШа, контрразведчик, умеющий стрелять с двух рук, владеть ножом, да и с приемами рукопашного боя знакомый не понаслышке.

Завидев Тимоху-мершевца, ребята перед ним расступились, а он обратился к Нике:

– Добре у тебя, дивчинка, получается. Но от, бачишь, у тебя нож пропеллером крутится, а оттого не всегда в цель попадает.

– А как сделать, чтобы всегда попадал? – спросила Ника.

– Ты сможешь. У тебя руки довгие. Я тебя научу одному секрету. Хитрый такой секрет, не каждый сможет освоить...

Достав свой тяжелый охотничий нож, он взял его лезвием в ладонь и, сделав короткий хлест кистью, послал как гранату вперед.

Нож принесли не сразу – в ствол старой сосны он вошел так глубоко, что ребята вытаскивали его по очереди, в раскачку.

Когда они почтительно протянули финку дяде Тимофею, тот опять сказал Нике:

– Ну, давай, встала. Та не в позу, а прямо, – пошутил «мершевец». – И не играйся им, а бросай со всей возможной силой. Прямо от плеча. – И он еще раз повторил движение, которое Ника должна была освоить.

– Дядька Тимоха, дай я кину, – попросил рыжий паренек.

– Нет, хлопчик. Я вже видел, как ты кидаешь. У тебя глаз хороший, а рука слабая, хлеста нет. И держишь ты его, как титьку у коровы. То ж нож!

Ребята весело засмеялись.

А Тимофей опять протянул нож Нике:

– Давай, кинь его, кинь его так, будто ты кого ненавидишь. И знай, что он тебе жизнь спасти сможет. Им убивают людей. Плохих. Могут и хороших убить, если они защищать себя не научатся.

Показанное движение все потом долго осваивали. Но в точности его удалось повторить только Нике, что подняло ее в глазах компании на недостижимую высоту. Полностью оправдав свое имя, она стала признанным лидером в стае, которая когда-то приняла ее в штыки.

Глава 6

После больницы возвращаться в пустую квартиру было страшно. Тем не менее надвигались экзамены, ближайший – через два Дня.

Странно, но ни отец, ни сестра не навестили ее в больнице. Сиротское чувство одиночества тревожило, не покидая ни на минуту. Ника даже подумывала пойти ночевать к подружке – к дочке той самой тети Светы, благо квартиры на одной лестничной клетке. Девочки так часто делали, когда тетя Света была на дежурстве.

Она осторожно открыла дверь своим ключом. На кухне горел свет, звякали чашки, бодро свистел чайник. Сердце радостно подпрыгнуло.

– Папа! Наташа! – закричала Ника, вбегая в кухню.

Отец и сестра сидели за столом. Никто из них не встал ей навстречу.

– Почему вы не отвечали? Я столько раз вам звонила! Я же была в больнице, вы что, не знали? Почему вы ко мне не приходили? А маму... Маму, что... – она осеклась, – уже похоронили?

Перебивая себя, Ника сыпала вопросами попеременно со слезами. Отец, хмурясь, смотрел в окно, Наташа нервно теребила чайную ложечку. Наконец она со стуком отложила ложку и решительно сказала:

– Прекрати плакать, Ника, нам надо с тобой серьезно поговорить. Сядь. – Она бросила выразительный взгляд на отца: – Ты ей расскажешь?

Но тот качнул головой:

– Лучше ты. Я не могу.

Он резко поднялся, чуть не опрокинув блюдце с нетронутым куском торта, и торопливо вышел в коридор.

Ника растерянно смотрела на Наташу, но старшая сестра, досадливо поморщившись, отвела глаза.

– Ну ладно. Я так я! – вздохнула она. – Скоро будут готовы документы, тебе придется кое-что подписать. Пока здесь никто жить не будет... А потом... Потом сюда переберемся мы с семьей... – Сестра замялась, подыскивая слова. – А тебе, наверное, придется... ну, не знаю, куда идти: хочешь – в общежитие, хочешь – на съемную квартиру. Как сама решишь.

– А я что, с вами не буду жить? – расширила глаза Ника.

Она ничего не понимала: почему она должна куда-то идти – в какое-то общежитие, на какую-то съемную квартиру? Ей стало страшно: почему никто не вспоминает маму, не рассказывает, где она?

Стараясь не встречаться глазами с Никой, Наталья встала, выключила свистящий чайник и налила себе в чашку кипятку.

– В общем, Ника, – продолжила она, постукивая алыми коготками по фарфору, – тут такая ситуация... Отец всегда хотел сказать, но мать ему запрещала. Ты нам никто, – отчетливо произнесла она. – Ты нам не родня. Мама взяла тебя из детдома, когда тебе еще четырех не было. Мы тебя вырастили. За что, между прочим, ты должна быть благодарна ему. – Наталья кивнула головой в сторону двери, за которой скрылся отец. – Подпишешь все документы, когда будут готовы, и чтоб не было претензий, – с нажимом произнесла Наталья. – Ни на квартиру, ни на что!

Ника сидела ошарашенная, не понимая, о чем идет речь – о каких документах, о какой квартире? Она только чувствовала, как кухня заполняется ледяным предвестием чего-то ужасного.

– Папа! – с надеждой позвала она. – Папа, объясни, что говорит Наташа. Как это – я вам никто?

Наташа хлопнула ладонью по столу, отчего красный каркаде выплеснулся из чашки, забрызгав белоснежный манжет ее блузки.

– Я же тебе объясняю! Ты что, не слушаешь? Тебя взяли из детского дома!

Разговор для нее был неприятен, и от этого она раздражалась все больше и больше.

Она уже почти кричала:

– Ты мне не сестра! А отец никакой тебе не отец! Мы покажем тебе эти справки!

Ника, сжавшись от ужаса, прошепелестела онемевшими губами:

– Наташа, что я тебе сделала плохого? Я хочу к маме! Она уже похоронена? Где?

– Ты понимать начнешь или нет?! – Наталья снова стукнула по столу, чайная ложка, упав, с жалобным звоном запрыгала по кафельному полу. – Не мама она тебе! Ты детдомовская! Ты не наша! Тебя забрали из милости, из жалости, как собачонку с улицы, а ты прижилась тут. Здесь твоего-то ничего нет. Не вздумай претендовать никогда ни на что! Тебе надо каждый день Богу молиться и свечку ставить за то, что жизнь твоя не в детдоме прошла, а в семье. И в какой семье!

Она трясла пальцем перед лицом Ники, а та, как замороженная, смотрела на красное пятно, расплывшееся на манжете.

Выстрелом хлопнула входная дверь – это, не прощаясь, ушел отец.

– Сбежал! – криво усмехнулась Наталья.

Она тяжело опустила за стол, с хрустом отрезала кусок вафельного торта, и ее толстые щеки неприятно задвигались. Ника знала, что сестра всегда ест, когда нервничает. «Неприятности заедает» – говорила мама.

Отодвинув наконец тарелку, Наталья смахнула крошки с губ и продолжила:

– Да, и еще. Отец настаивает, чтобы ты получила возможность сдать сессию, а потом взяла академический отпуск. Думаю, так и поступим. Я уже звонила в деканат, пока ты в больнице лежала, объяснила им ситуацию. На экзаменах тебя мучить не будут, да и отпуск предоставят. Похлопотала я за тебя. Ну, а ты, надеюсь, подпишешь все бумаги.

Ника молчала, глядя надвигающиеся губы сестры. Красная помада размазалась, в уголке рта осталась крошка.

Не чувствуя сопротивления, Наталья сочла неприятную миссию выполненной и немного повеселела.

– Между прочим, – сказала она, подошла к холодильнику и вытащила кусок ветчины, – между прочим, вашему декану пришлось заплатить, чтобы пошел навстречу. Эти деньги я тебе, понятно, прощаю. На вот тебе бумагу, ручку...

– Наташа, я не простилась с мамой, где ее похоронили?

– Слушай, мы сейчас о другом! – снова напряглась Наталья. – Давай пиши, я тебе продиктую: «Я, Никитина...» – Она передернула плечами. – Надо же, Никитина! Тебе теперь к своей настоящей фамилии надо будет привыкать. М-да, наделала мамочка де-лов... Ну, да ладно. Пиши: «Я, Никитина Ника Александровна, паспортные данные такие-то...» – Она взяла с полки заранее приготовленный паспорт и раскрыла перед Никой. – Написала? Значит, «я, Никитина Ника Александровна, хочу найти своих настоящих родителей...» Да-да, так и пиши – «своих настоящих родителей», – диктовала Наталья, – «которых не видела с детства. От семьи Никитиных я отказываюсь, здесь меня били и издевались надо мной...»

Ника широко раскрыла глаза:

– Что ты такое говоришь?! Мама меня любила! И никто меня не бил, никогда! – Она медленно встала из-за стола.

– Какая она тебе мама?! Забудь ее! Может, найдешь еще свою маму и рада будешь, что так получилось!

– Я не буду писать, что надо мной издевались и били, – жестко произнесла Ника.

– Ну и дура! – вспыхнула Наталья. – Надо разжалобить, тогда, может, тебе квартиру дадут соцработники: сирота, жить негде. Как же ты привыкла, чтобы за тебя думали. Отвыкай!.. Пиши – издевались!

– Не буду! – Ника отшвырнула ручку. По выражению ее лица Наталья поняла, что перегнула палку. Тон ее изменился.

– Ника, ну что ты? Мы с тобой росли вместе, ты мне как родная. Никто не виноват, что все так сложилось. Я же хочу тебе помочь. Я, может быть, тебе дам мамины работы, будешь их продавать, у тебя будут свои деньги. Ну, чтобы платить за квартиру, да и вообще – на жизнь. Я же не могу тебя бросить на произвол судьбы. – Голос Натальи звучал все ласковее и ласковее. – Ну что тебе стоит написать так, как надо? Мы с папой похлопочем об отдельной комнате для тебя, тоже напишем заявления в твою пользу. Чтобы тебе отдельное жилье дали. Это же справедливо, чтобы в такой большой квартире жила я со своей семьей. Я, между прочим, вторым ребенком беременна, – солгала она для большей убедительности: судьба подсовывала ей подарок в виде огромной квартиры в центре города, и упустить такой шанс она просто не могла.

Ника слушала про квартиру, про второго ребенка, про то, что она, Ника, сирота, «детдомовка», и это не умещалось в ее сознании. Глядя на Наталью, она не испытывала к ней вражды – сестра была единственной ниточкой, которая связывала ее с быстро ускользающей прошлой жизнью. Она обвела взглядом стены их (их?) кухни. Мамины картины висели повсюду. На нее смотрели с детства знакомые до последнего штришка натюрморты: блюда с фруктами, вазы с букетами черемухи и сирени. Мама нет, а картины все так же висят, и по-прежнему пахнет кофе, масляной краской и сухофруктами. Вот тут, на подоконнике, она обычно помогала маме соскребать мастихином краску с палитры и однажды запачкала волосы. Мама засмеялась и попросила Наташу помочь счистить краску...

– Наташа! – бросилась Ника к сестре. – Ты же помнишь, все помнишь, не можешь не помнить! Мама любила нас, нам нужно пережить это вместе!

Она обняла сестру, крепко прижалась, словно цепляясь за последнюю надежду.

Наталья вздохнула и дежурно погладила Нику по волосам. И в который раз отметила: какие же они густые! Ее собственные волосы почему-то всегда быстро салились, выглядели жалко...

Она отдернула руку.

– Да, ты права. Конечно, мы будем вместе. Просто сейчас нужно быть мужественными и сделать все, что необходимо, – сказала она, высвобождаясь из объятий Ники. – Давай дописывай бумагу.

Она решительно усадила Нику за стол.

– На чем мы там остановились? Раз не хочешь писать про издевательства – не пиши, я тебя неволить не буду. Напишем так: «От семьи Никитиных я отказываюсь, узнав, что была приемным ребенком. Я почувствовала, что они не могут быть моей семьей. И теперь цель моей жизни – найти настоящую семью. К Никитиным я не имею никаких претензий. Мне ничего от них не нужно, мы друг другу ничего не должны. Мы все свободны от взаимных обязательств и имущественных притязаний». Вот тут оставь свободное место. Ну, и подписывайся... пока нашей фамилией. «Никитина Ника Александровна». Подписала? Дай-ка посмотрю... – Наталья быстро схватила со стола листок и внимательно пробежала глазами. – Ну вот, умница.

Бумага исчезла в недрах ее сумки, и она удовлетворенно щелкнула замочком. Потом взглянула на часы:

– Уже поздно, мне домой надо. Кстати, ключи мне отдай.

– А как же я? А мне куда? Мне что, нельзя тут остаться?

– Да здесь вообще попросили никого не оставаться, – доверительно понизив голос, сказала Наталья. – Здесь будет следственный эксперимент. Ты наследуешь. – Она снова врала, но ей было важно выпихнуть Нику из квартиры.

– Наташ, а мои вещи? Учебники? Мне же к экзаменам готовиться надо!
– Подготовишься, не переживай! Тебе же общежитие наверняка дадут!
– Думаешь?
– Сто процентов дадут! А потом мы насчет комнаты с отцом что-нибудь придумаем!
– Наташ, но мне надо хоть майки взять, джинсы, книги...
– Ой, господи, ну давай по-быстрому, только ничего не трогай! Прямоком до своей комнаты и назад, здесь везде улики.

Ничего не соображая, Ника автоматически бросала в сумку вещи.

– Быстрее, быстрее, – торопила ее Наталья. – Мне нужно домой, там ребенок голодный. А ты готовься к экзаменам и через недельку-другую приезжай, я тебе дам нотариально заверенные копии. Короче, позвонишь.

Покидать жилье, к которому она привыкла за долгие годы, было тяжело. Мамина квартира была для Ники расписной шкатулкой, волшебным ларцом, таившим в себе разные чудесные вещи. И именно здесь, в этой квартире, ровно через неделю после смерти мамы произошло то, что захлопнуло дверь в ее восхитительное прошлое.

– Ты бы хоть съездила в свой детский дом, – проговорила Наталья, когда сумка была собрана. – Может, узнаешь что о себе.

– В какой детский дом?!

– Он где-то в Пушкино должен находиться. Мне отец говорил. Да и раньше оттуда звонили. Лет пять назад, помню, я трубку подняла, и мне сказали, что из Пушкино звонят, из детского дома. Спросили маму. Она выгнала меня из комнаты, но я подслушала, что документы надо на тебя какие-то переоформлять.

– В Пушкино... – растерянно произнесла Ника.

Сестры вышли на площадку. Лифт почему-то не работал. Ника спускалась медленно, цепляясь набитой сумкой за перила, а Наталья продолжала обработку. Ее голос искажали гулкие своды подъезда, делая каким-то незнакомым, и это еще больше отчуждало девушек друг от друга.

– Кстати, ты поняла, почему отец-то ушел?

– Почему?

– Ну, любовница его, к которой он собрался уходить, помнишь? Ну, в общем, разбились они на машине. Ему теперь не только машину ремонтировать надо, так еще и кралю свою. Ему-то ничего, а она в реанимации проболталась три дня. Сейчас ее в общую палату перевели, у нее перелом ноги, кажется, сотрясение мозга, а главное, – Наталья гадко захихикала, – прикинь, у нее трещина на лобковой кости.

– На лбу? – не поняла Ника.

– Слушай, ну ты дура все-таки! На каком лбу?! Я тебе говорю: на лобковой кости! Неужто не знаешь, что это такое? – раздраженно произнесла сестра. – Короче, инвалидка она. Ему теперь надо будет апельсины ей возить, с ложки кормить и на аптеку работать. Он к ней переезжает. В сиделки, вот!

Ника ошарашенно посмотрела на Наталью. Неужели сработало?! Из-за случившегося несчастья история с заклитием отошла на задний план, съезжилась, и вот теперь оказывается, что мамина разлучница в больнице... Как поздно! Тем не менее та, причинившая маме боль, теперь сама на больничной койке! Справедливость пусть поздно, но восторжествовала. Заклятие, полученное от колдуньи, которое она со злостью шептала в дерматиновую обивку двери, где обитало украденное у ее матери счастье, подействовало.

Она чувствовала себя Немезидой – богиней мщения.

Пытаясь осмыслить случившееся, Ника пропускала мимо ушей все, о чем без умолку говорила сестра. Отныне ей предстояла другая жизнь.

Рев эскадрильи Б-52, заходящей на новую бомбежку, вернул его в реальность. Подхватив одной рукой тело женщины, а другой прижав к груди ребенка, он рванулся к гигантской воронке – именно там можно было найти укрытие. «Бомба дважды в одну воронку не падает» – он знал эту военную мудрость. Только гражданские, пригибаясь и прикрывая голову руками, бегут в дома и прячутся за стенами построек, не понимая, что именно там их, скорее всего, достигнет смерть.

В воронке он перевел дыхание. Прикрывая собой жену и дочь, мужчина взял себя в руки и привычно, по-военному, отключившись от творящегося вокруг безумия, хладнокровно осмотрел местность. Срочно нужны аптека или госпиталь. Он отказывался верить в смерть близких. Требовался антишоковый укол, требовались реанимационные действия, и он, понимая, что в этом хаосе никто ему помочь не сможет, собирался сам воскресить из мертвых дорогих ему людей.

Грохот стал затихать. Уже можно было покинуть спасительную воронку и переместиться в какой-нибудь полуразрушенный подвал – так будет надежнее. Придерживая на плече тело жены, то и дело норовившее соскользнуть, и крепко прижимая к себе ребенка, он выбрался из осыпающейся воронки, используя выбоины как ступени.

Перебежками пересек городскую площадь и нырнул в большое полуразрушенное здание. Надо найти безопасное место, где можно будет на время оставить жену. Потом он вернется...

Слева от дверного проема стоял чудом сохранившийся белый кожаный диван. Мужчина бережно уложил неподвижное тело и выскочил из-под развалин с дочкой на руках. И вдруг за его спиной раздался такой родной, такой знакомый голос: «А где наша девочка?..»

Глава 7

Нике казалось, что мама покончила с собой только из-за отца, из-за любви к нему. Ей трудно было осознать, что жизнь в девяносто первом году совершила драматический кульбит, перевернув все с ног на голову: люди заснули в одной стране, а проснулись в другой. Стабильный, распланированный строй, к которому все привыкли, хоть и роптали, рухнул и сменился другим, с чуждым, неприемлемым советскому уху названием «капитализм». Мало кто с ходу смог начать жить по-новому. Большинство были растерянны и дезориентированны, новые условия оказались не по плечу. Завтрашний день утратил очертания. Это пугало, раздражало, вызывало агрессию. Казалось, люди наглотались «озверина» – это ощущалось везде: на улице, в транспорте, в магазинах, даже в семейных отношениях. Повсюду началась грызня, порой доходившая до убийств. И зачастую причиной кровавых трагедий становилась дележка: квартиры, дачи, машины – всего того, что имело хоть мало-мальскую ценность. Дрались в том числе и за будущие блага – завещания.

Жизнь прошла катком не только по бедным и неблагополучным. Художница Елена Никитина, всегда имевшая и заказы, и покупателей, считалась женщиной при деньгах. Но новой России ее картины оказались не нужны. Конечно, некоторые предприимчивые коллеги – те, кто быстро сориентировался и переключился на поделки *a la russe*, – процветали. Они продавали свои «шедевры» на рынке в Измайлово, куда каждые выходные приезжали иностранцы и скупали у «туземцев» (а именно так теперь воспринимали граждан развалившейся великой страны) местную «экзотику».

Сорок, шестьдесят, сто долларов, которые милостиво отстегивал художникам западный мир, были огромной суммой.

Но Лена не хотела стоять в длинных рядах продающих. Поначалу к ней приезжали арт-дилеры. Их развелось как грязи. Они норовили все скупить за бесценок и попутно снисходительно «учили жить». Именно это, пожалуй, было хуже всего, и Лена просто перестала открывать им дверь, отвечать на звонки.

Стало не до искусства, народ лихорадочно искал способы выжить. Разрушались прежние связи, преуспевали странные, темные личности, нередко с уголовным прошлым. Интеллигенция невероятно быстро превратилась в нищую прослойку. Жить, как правило, такие семьи не умели – у них не было навыка «делать деньги». Вслед за шахтами, заводами и фабриками закрывались научные институты, учебные центры, поликлиники. Здания, которые они занимали раньше, шли под рестораны, склады, вещевые рынки. Пришло царство торгашей. Лена, человек творческий, острее других переживала происходящее. Нередко Ника заставляла ее расстроенной, с опухшими от слез глазами, но связывала это только с отцом.

Однажды она увидела, как отец, галантно открыв дверцу машины, помогал выйти какой-то женщине. Женщина была незнакомой, но то, как она смотрела на отца, как тот приобнял ее за талию и что-то говорил, касаясь губами ее волос, не оставляло сомнений: они были любовниками. Ника мгновенно взмокла, в животе что-то ухнуло. Она стояла и смотрела им вслед, стиснув кулаки. Уже дома она заметила на ладонях кровавые лунки от ногтей и почувствовала саднящую боль. Обида за мать и острое чувство, что она обязана исправить ситуацию, не давали покоя, толкали ее к действию.

Нике не стоило большого труда узнать, где живет незнакомка: дом и подъезд, в котором они скрылись с отцом, крепко врезались в память. Через некоторое время она уже знала про разлучницу все: имя, фамилию, место работы. Это оказалось нетрудно – они с отцом работали вместе. И Ника твердо решила: раз Бог позволяет обижать маму, она сама наведет справедливость.

Способ был найден, когда она вспомнила один из рассказов маминой знакомой, тети Оли. Та была актрисой и, посвященная в их семейные тайны, частенько заходила повидаться с подругой.

Вот и в тот раз Ника вошла в квартиру и сразу почувствовала знакомый запах тети-Олиных духов.

– Ну что ты, Оля, как же можно верить во все эти заклинания, гадания?.. Все это такие глупости! – произнес мамин голос.

– Вот-вот, и Таня тоже все это глупостями считала, пока сама не столкнулась. Таня Морозова, ты ее наверняка помнишь.

Речь явно шла о какой-то мистике, и Ника наострила уши.

– Морозова? Еще бы, ее все помнят. Успешная певица, солистка Большого театра... – сказала мама.

– Вот-вот, если помнишь, когда у нас только началась перестройка-гласность, она сразу же уехала в Лондон. Ее туда еще при Брежневе несколько раз приглашали, но окончательно она уехала при Горбачеве. Там тоже стала солисткой, только Королевской оперы. Замуж выскочила за дирижера из Ковент-гардена. Поговаривали, что он чуть ли не потомок самого Генделя.

Нике стало интересно. Не снимая куртки, она осторожно присела на корточки и затихла. Она, конечно, знала, что подслушивать нехорошо, но любопытство взяло свое.

– Короче, вся жизнь в шоколаде, – продолжала Ольга. – То выступает перед королевой-бабушкой, то перед королевой-матерью, то перед арабскими шейхами – весь мир открыт, живи да радуйся. И вот на одном из концертов получает она букет цветов – огромный, величиной чуть ли не в полсцены. «Ну, – думает, – от принца какого-то или от шаха. Наверное, после концерта зайдет с визитом». Но никто не появился. На следующем концерте то же самое – опять громадный букет цветов. И вновь никто не появился. Короче, на какие бы гастроли она ни отправлялась, неизменно получала огромный букет от поклонника, в которого она, можно сказать, заочно влюбилась. Татьяна так настроилась на незнакомца, что интуиция у нее начала безошибочно срабатывать: говорила, что всегда чувствует, в зале он или нет. И перед каждым выходом на сцену она внимательно вглядывалась в первые ряды, пытаясь угадать, как же выглядит тот, кто посылает ей такие роскошные цветы. И вот однажды, в Париже, в ее гримерку постучались. Это был он – собственной персоной, с неизменным букетом. Ну, все, что было дальше, понятно. Оказался он сербом. Нашим, православным. Щедрый был, не в пример западным ценителям, которые тремя цветочками, как правило, отделяются. Шикануть, впечатлить любил. То тебе ужин в «Георге V» – представь, там бутылка вина десять тысяч франков стоит! То тебе обед в ресторане «Фуке», где чуть ли не все иностранные знаменитости побывали. Короче, у нашей Тани от такой любви крышу сорвало. Бросила она своего «Генделя» и выскочила замуж за серба. Никаких у нее сомнений в своем счастье не было, разве что за оперную карьеру волновалась. Но тут Драган – так звали ее избранника – уверял, что этим займется лично, ведь перед ним все в долгу были: еще бы, один из самых известных и успешных в Европе адвокатов, выигрывал дела о миллиардных состояниях. Среди его клиентов и главы корпораций были, и саудовские шейхи, и члены королевских семей. Представляешь, у него вилла на море по соседству с Софи Лорен! Короче, Танечка наша, выйдя за Драгана, начала вести жизнь миллионерши, и карьерой жертвовать не пришлось. – Ольга сделала театральную паузу, чтобы оценить произведенный на подругу эффект.

Ника сидела как безмолвное привидение. Боялась даже дышать: не дай бог, заметят и прогонят в ее комнату.

– И вот, представь, распевается однажды Танюша за сценой, зрители зал заполняют... «Аида» – это же ее звездная партия. И вдруг она дает петуха, а через минуту голос вообще исчезает! Она – в обморок от ужаса, спектакль переносится. Привозят ее домой, и тут раздается телефонный звонок, и женский голос спрашивает:

«Ну что, страшно тебе, боишься? Так вот знай, русская сука, если ты не оставишь моего Драгана, я тебя до смерти доведу! Уезжай немедленно, откуда приехала! Он мой!»

Когда Татьяна мне эту историю пересказывала, то сделалась бледной как смерть и несколько раз повторила:

«Если бы все это было не со мной, никогда бы не поверила и назвала бы бабскими выдумками».

Когда Драган вернулся домой, она выложила всё: и о том, что случилось в театре, и о звонке, конечно.

«Я боюсь, что кто-то занимается колдовством против меня, кто-то, наверное, из твоих бывших возлюбленных», – укорила она мужа.

«Нет-нет, Танечка! Ты не должна бояться! Не верь во все эти бабские штучки. Ну, какое колдовство в наше время? – убеждал ее Драган. – Наши женщины, конечно, играют в подобные игрушки. У некоторых вместо поваренных книг на кухнях стоят книги по черной магии. Но ты же из России! Ты же русская! Вас черной магией не возьмешь!» – пытался он пошутить. Короче, он тогда сумел ее успокоить.

Однако это были только цветочки. К следующему спектаклю Таня была в голосе, на сцену вышла в приподнятом настроении – она была очень благодарна тем, кто не сдал билеты обратно в кассу, а терпеливо дождался ее выхода на сцену. Но... – Тут Ольга снова сделала многозначительную паузу. – За несколько минут до антракта у нее поднялась температура под сорок, упало давление, и ее зашатало так, что она не могла разглядеть, где край сцены, а где кулисы. Ей вызвали «скорую». В госпиталь приехал перепуганный муж. Поместили ее в реанимационное отделение, боялись, что от такой высокой температуры откажет сердце. И ты не поверишь: через час температура пришла в норму, а еще через полтора она почувствовала себя так, будто в больницу она просто заехала кого-то проведать. У нее, по настоянию Драгана, взяли анализы, провели полное обследование. И ничего не нашли, представляешь? Ни-че-го! Никто так и не понял, что стало причиной высокой температуры, отчего случился коллапс, как может подобная симптоматика исчезнуть бесследно за считанные минуты. Мистика! Когда Драган, поддерживая под руку, уводил жену из больницы, медсестра протянула ему конверт:

«Это выписка из истории болезни вашей жены. Для театра, чтобы неустойку не платить».

Но Татьяна взяла конверт сама:

«Давай мне, а то ты куда-нибудь в свои бумаги засунешь и увезешь».

В машине она открыла конверт. На листочке была всего одна фраза: «Со смертью играешь, русская сука!» У нее потемнело в глазах. В себя она пришла в собственной постели – подушка была мокрой от слез, а рядом на коленях стоял потрясенный Драган.

«Моје срце, Моја љубав! – от волнения он говорил на сербском. – Ты только ничего не бойся! Я найду того, кто это делает».

Но Татьяна не стала ждать. На следующий день со своей новой сербской подругой, которая верила «во все эти глупости», они направились в город Нови Сад под Белградом. Машина долго плутала по незнакомым улочкам пригорода, пока они не нашли нужную улицу, на которой проживала известная сербская гадалка. Их встретила пожилая женщина с черными как вороново крыло волосами. Глаза у нее были тоже черные – настолько, что белки казались голубыми. Таня рассказывала, что с первого взгляда поняла, эта ворожея действительно владеет темными тайнами, и не ошиблась. Тогда-то она и поверила в колдовство. Колдунья посмотрела на Татьяну и быстро заговорила по-сербски, обращаясь к Таниной подруге Зорьке. А та с каждым ее словом становилась все мрачнее и мрачнее. Татьяна, и без того встревоженная, немедленно потребовала перевода.

«Она знает о тебе. Говорит, ты русская певица, что на тебе смертельный заговор на кладбищенской земле, и сделала его твоя соперница».

«К ней что, приходили заколдовывать меня? Так пусть расколдует!»

«Нет, не к ней, она не занимается заговорами на смерть. И отменить этот заговор не в ее силах. Чтобы отменить его, надо искать ту, кто это сделал, так она говорит».

Они вернулись домой поздно вечером в полной прострации. Танечка не стала никого искать, собрала вещи и покинула Белград. Приехала к матери в Москву, устроилась в Большой театр педагогом и, представь себе, – тетя Оля перешла на шепот, и Ника еле-еле расслышала конец фразы, – через год умерла.

– Ну, знаешь, – сказала потрясенная мама, – я слышала о ее смерти, но здесь слухами какими-то попахивает, домыслами. У нее онкология запущенная была, насколько я в курсе. Совпадение.

– Совпадение, не совпадение – это все тонкие пласты. И опытная колдунья на кладбищенской земле много чего может сделать. Очень даже распространенный метод.

– Грех это большой, – вздохнула мама. – Говорят, что с теми, кто с гибельной ворожкой связывается, тоже смерть случиться может.

В ту ночь Ника долго не могла заснуть. В ее голове вызревал «взрослый» план – простой и эффективный, как она считала. В одной из газет она нашла объявление о гадалке, которая могла «засушить» любую любовь, навести «остуду».

Ника сама поехала по адресу. Гадалка оказалась пожилой неопрятной женщиной, но дело, похоже, знала. Спрятав полученные деньги, она сообщила Нике, что надо найти могилу с таким же именем, как у соперницы, взять в полнолуние кладбищенской земли и, прочитав заклинание, высыпать ночью на коврик перед входной дверью.

Глава 8

С момента смерти мамы прошла всего неделя, а как круто повернулась жизнь! Жить было негде. Общежитие москвичам не давали. Деньги, оставшиеся от продажи плаща, закончились.

Временами Нику охватывала паника: «Как я буду одна? Кто мне поможет? Как жить дальше? Почему устранился отец? И действительно, кто он мне? Он ведь даже не захотел поговорить... Ушел, сбежал, как сказала Наталья. Он так и от мамы сбежал. А она не смогла дальше жить...» – горько размышляла она.

И еще вспоминалось: «Ты бы хоть съездила в свой детский дом!» Фраза, брошенная с упреком и вызовом, не выходила из головы.

И она решилась: взяла билет на электричку и отправилась в то самое Пушкино, где, по словам Натальи, скрывалась ее тайна.

Ника ехала часа полтора, глядя в немытое окно электрички. Двери за ее спиной лязгнули, и поезд с грохотом умчался дальше. Поначалу ее оглушила тишина. Редкие пассажиры, волоча за собой тележки, подпрыгивающие на ухабах кривого асфальта, разошлись, и она осталась одна на пустой платформе провинциального подмосковного городка. Вокруг было уныло и пусто, только у облупленного здания вокзала копошилась какая-то жизнь.

Здесь, у скучающей продавщицы пирожков и пончиков, Ника узнала, что в городе два детских дома, и оба на окраине. Один – Дом малютки, для совсем крошек; второй – для детей постарше, совмещенный со школой. Школу Ника тут же отбросила, быстро сообразив, что ехать надо в Дом малютки.

Серое двухэтажное здание напоминало картонную коробку из-под обуви, лежащую на боку. Над козырьком красовался огромный цветной портрет Ельцина с цитатой: «Все лучшее – детям». Однако то «лучшее», что им предназначалось, вызвало у Ники сильное сомнение. Щербатое бетонное крыльцо, косо прилепленное к серому зданию, перед входом – детская площадка, буйно заросшая жухлыми сорняками. Рядом с зелеными качельками огромным ящиком громоздилась песочница. Краска на деревянных бортиках давно облезла от дождя и снега, на дне, едва покрытом грязноватой смесью, одиноко валялось забытое красное ведро.

Во дворе и в здании было тихо. Наверное, Ника попала на время тихого часа.

Она потянула на себя тяжелую дверь и осторожно вошла в вестибюль. Пахло тушеной капустой, хлебом, чем-то еще – непонятным, но странно знакомым. Нику никто не остановил. Она шла по гулкому коридору, стараясь ступать потише, и разглядывала таблички на дверях – здесь их было предостаточно. В конце коридора она наконец наткнулась на то, что искала. «Директор» – гласила надпись на стеклянной табличке, прикрученной к черному дерматину.

Но кабинет оказался закрытым.

– Девушка, вы что тут делаете? – раздался за спиной женский голос.

Ника, вздрогнув, обернулась. Перед ней стояла пожилая женщина в белом халате.

– Як вашему директору приехала из Москвы. Он сегодня будет?

– Во-первых, не он, а она, а во-вторых, по субботам Светлана Петровна не работает. Тебе она зачем?

Ника замялась, раздумывая: признаться, рассказать о своей проблеме сразу или сначала попытаться что-то разузнать? Она посмотрела на женщину. Внешний вид располагал к открытости: простое, открытое лицо, глаза из-под косынки смотрели участливо.

– Простите, а как вас как зовут?

– Мария Сергеевна. Я здесь работаю няней.

При слове «няня» Ника сразу же расслабилась: она тут же вспомнила свою добрую, милую Кеану, которую нежно любила, поэтому другие няни, в представлении Ники, непременно должны были быть похожими на Кеану.

– Мария Сергеевна, знаете, тут такое деликатное дело... Я... я знаю, что я из вашего детского дома. Но от меня это скрывали... Главное, что я ничего даже не помню о своем детстве. Я вот вошла во двор и подумала: если я здесь была ребенком, то должно же что-то екнуть, хоть какая-то картинка должна же всплыть в памяти? А картинок никаких нет, только запах вот очень знакомый. И деревяшка на песочнице...

– Да мы здесь совсем недавно. До этого в другом здании жили, но оно сгорело, проводка у нас была совсем негодная – дом, как свечка, вспыхнул. Хорошо хоть детей успели вывести, все уцелели. Бог нас уберег. А запах... запах что, это еда. Казенная еда везде одинаково пахнет. А чего ты ищешь-то? Если документы, так они сгорели. Теперь я самый главный документ и есть. Я ведь больше тридцати лет с детьми, всех помню, и побольше, чем Светлана Петровна.

– Мария Сергеевна, миленькая, а вдруг вы меня вспомните? Я хочу узнать, кто мои родители, почему я оказалась в детском доме?

– А как тебя зовут?

– Меня звали Нина, мне так сестра сказала, но это, как я понимаю, по вашим документам, – заторопилась девушка. – Все меня зовут Ника, потому что мама так назвала. Она свято верит, что имя определяет судьбу, а Ника по-гречески означает «победительница». У них даже была богиня победы – Ника. Мама говорит, что вибрации, заключенные в имени, выстраивают характер человека, а характер – это и есть судьба. У меня даже в паспорте записано: Ника Никитина. А мама – Лена Никитина. Она художница! – вдруг добавила Ника, выдохнув.

– Лет-то тебе сколько? – прищурилась няня.

– Двадцать два года. – Ника с надеждой смотрела на Марию Сергеевну, а та вдруг улыбнулась широко-широко, так, что глаза стали щелочками, утонув в гусиных лапках мелких морщинок.

– Ух, и повезло же тебе, победительница! Помню, помню, не в маразме еще. За все время, что я работаю, к нам приезжала только одна художница. С шефской поездкой, подарки привозила ребятишкам. Она нам тогда кучу своих рисунков пораздала, они до сих пор у всех наших дома висят. И тебя помню. У вас с ней прям любовь с первого взгляда получилась. Ты на нее как своими глазищами зелеными глянула – как выбрала! У нее аж слезы навернулись. Ушла, а ты от двери не отходила, никто оттащить не мог – все дежурила, дождалась. И дождалась. А что, плохо тебе там, что ли?

– Плохо. Папа ушел из семьи, мама умерла...

– Понятно... А теперь-то что узнавать? Ты же уже выросла, взрослая. Зачем тебе?

– Я хочу понять, может быть, мои... ну, эти... – она запнулась, – биологические родители живы. Кто они? Почему оставили меня здесь?

– А вот родителей твоих я что-то не помню... – Мария Сергеевна задумалась. – Хотя погоди, погоди... Я вот что... Военного одного припомнила, он ночью приехал однажды. Точно! Машина у него была черная, с московскими номерами, и звездочки на кителе. Он в дом вбежал, а водитель на крыльчке с его шинелью остался. Я дежурила тогда, за ним кинулась – куда ж к детям-то в ботинках, по намытому! А он за плечи меня схватил: «Тише, тише, не сердчайте! Мне позарез нужно!» Так уговаривал, так упрасивал. Тоже в субботу приехал, как ты, когда начальства не было. Я и не устояла, пустила в спальню... Долго стоял у кровати и на девочку свою спящую смотрел...

Глаза ее затуманились, будто она видела все, что сейчас оживало в памяти.

– Так это ты была... Только сейчас поняла...

Нику даже затрясло.

– А какой он был? Как выглядел? – дрожащим голосом произнесла она.

– Неразговорчивый был, но красивый очень, статный. Даже если б погонов на нем не было, сразу понятно – военный. Он нам тогда со сменщицей денег отвалил много, и было

видно, что не жалко ему нисколько. Благодарил нас и все повторял, что, мол, обстоятельства разными могут быть, не все, мол, дети, оставленные здесь, сироты...

Сверху послышался какой-то шум, где-то хлопнула дверь, затопали невидимые ножки, детские голоса, как рассыпанное драже, эхом покатались по коридору.

Марья Сергеевна мигом вынырнула из воспоминаний и заторопилась:

– Ты вот что, давай пиши телефоны: мой и Светланы Петровны. Я-то все, что помнила, тебе рассказала, а моя память покрепче ее будет. Разве что, из какого роддома ты поступила, вспомнит. Ну все, беги-беги, пора мне.

Махнув Нике рукой, она заспешила к лестнице. Ника только и успела крикнуть «Спасибо!» в удаляющуюся белую спину.

Засунув записную книжку поглубже в сумку, она вышла на крыльцо. Глубоко вдохнула вечерний воздух, окинула прощальным взглядом унылый пейзаж и побрела на станцию.

Всю обратную дорогу Ника пыталась представить этого мужчину в военной форме. Живо нарисованный няней портрет начал сам собой укореняться в сознании. Во всяком случае, это была хоть какая-то ниточка в скрытую, стертую часть ее жизни.

Она все сильнее верила, что тот красавец офицер из рассказа Марии Сергеевны был ее отцом. Ей хотелось думать, что у него была какая-то особая работа, которая вынудила его расстаться с дочерью, а может быть, и со всей семьей. В ее воображении он был то таинственным разведчиком, брошенным в тыл врага, то космонавтом, выполняющим какую-то беспримерную миссию. Кем бы она его ни представляла, в ее фантазиях отец неизменно оказывался супергероем, спасающим мир. Но кем он был на самом деле? И кто была ее мать?

Глава 9

Ответов на эти вопросы поездка не дала...

В понедельник Ника вышла из метро на станции «Площадь Дзержинского», в 1990-м ее переименовали в «Лубянку». Ноги сами вели ее к зданию, про которое ходили мрачные легенды, – к Комитету государственной безопасности. Сейчас эта служба называлась как-то иначе, но в сознании девушки отпечатались именно эти три буквы – КГБ. Удивляясь собственной смелости, она уверенной походкой вошла в один из подъездов, небрежно поздоровалась с дежурным, толкнула турникет и ступила на лестницу.

По преданию, когда-то так же вошел в это здание Вольф Мессинг – протянул дежурному автобусный билет и беспрепятственно попал внутрь. Впрочем, Мессинг это сделал не просто так: он хотел доказать Берии, что влияние одного сознания на другое – это не выдумка, а неизученная реальность.

Ника же никаких таких целей перед собой не ставила и никому ничего доказывать не собиралась. Ноги сами привели ее сюда, потому что ей казалось, что здесь собраны сведения о всех гражданах страны. И уж ко-го-кого, а того военного, который примерно восемнадцать лет назад приезжал посмотреть на нее в Пушкино, здесь найти точно смогут. Вот она и пришла.

Мимо дежурного прапорщика Ника прошествовала настолько уверенно, что он и правда не сразу остановил ее.

– Э, э! Девушка! Стойте, вы куда?! – наконец опомнившись, закричал он, в два прыжка догнал ее на лестнице, крепко схватил за руку и потянул вниз.

По счастью, никого из начальства рядом не было, а то не сносить бы ему головы: шутка ли, в таком месте с легкостью какая-то девица просочилась!

– Молодой человек, не мешайте! Мне надо найти ваше начальство! – шепотом сказала Ника, пытаясь выдернуть руку.

– Какое начальство? – почему-то тоже прошептал прапорщик.

– Пустите, больно же! – Захват у прапорщика был мертвый. – Я ищу отца!

Дежурный наконец отпустил ее.

– А пропуск? Где ваш пропуск?! – строго спросил он.

В этот момент в холле появился солидный мужчина, одетый в штатское, по виду начальник. Он уже собирался пройти мимо, как вдруг молоденькая девушка, которой дежурный перекрыл вход, отчаянно закричала, подпрыгивая и маша рукой:

– Товарищ офицер! Разберитесь со мной, пожалуйста! Он не пропускает, а у меня очень важное дело! Можно сказать, государственное! – глядя то на человека в штатском, то на задержавшего ее прапорщика, сбивчиво заговорила Ника. – Да, я пропуск не сделала, ну и что с того? Какая разница? Сейчас сделаю! Но вы послушайте меня! Кто-нибудь может меня выслушать?

После паузы в несколько секунд человек в штатском произнес:

– Идемте со мной.

– А пропуск как же?.. – растерялся дежурный.

– Сделаем. Паспорт-то есть?

Ника торопливо закивала. Все внутри нее ликовало: ей невероятно, фантастически повезло! Она, как на бога, смотрела на своего спасителя, чувствуя, что сейчас в ее биографии случится что-то важное – может быть, самое важное в жизни. Безо всяких запросов и формальностей, вот так, ведомая интуицией, она оказалась там, где может произойти встреча с ее прошлым.

Распахнув перед Никой тяжелую дубовую дверь без всяких табличек, мужчина пропустил ее в кабинет. В центре возвышался необъятный старинный стол, к которому буквой «Т» был приставлен другой, поменьше. «Большой начальник!» – уважительно подумала Ника. Все

в этом кабинете было какое-то огромное, подавляющее – и само помещение, и мебель. Ника невольно внутренне подобралась.

– Присядьте. – «Большой начальник» указал ей на громоздкий стул с высокой прямой спинкой. – Меня зовут Всеволод Андреевич. Фамилия Васильев. А вас, юная особа? – Он вопросительно взглянул на Нику.

«Юная особа» осторожно присела на краешек сиденья, обитого зеленым сукном.

– А я Ника Никитина. Мне двадцать два года, я учусь в инязе, – довольно уверенно заговорила она, потому что начальник не отправился в кресло за главный стол размером с футбольное поле, а присел напротив, на такой же стул с зеленой обивкой. – Дело в том, что моя история может вам показаться странной. Она и мне кажется странной, видимо, это какая-то тайна, в которую меня не посвятили родители. Скорее всего, *приемные* родители, – с нажимом добавила Ника. – Я недавно ездила в подмосковный детский дом, и нянечка, она там тридцать лет работает, рассказала, что мой отец – военный...

И Ника сбивчиво поведала историю, которую узнала в Пушкино.

– Хотел бы вам помочь, но... Результат обещать трудно...

Он помолчал, подбирая слова.

– Понимаете, это все случилось очень давно. Вы родились и выросли в одной стране, сейчас живете в другой. Слишком много всего переменялось за это время. – Всеволод Андреевич с сожалением развел руками.

Увы, чуда не случилось. Полковник Васильев сделал ряд запросов по разным ведомствам, но в стране уже вовсю шел развал: связи обрывались, информационные каналы перестали работать. Люди думали о том, чтобы выжить. Ника нанесла еще один визит в Дом на Лубянке, но тайну ее биографии даже сотрудники некогда могущественного ведомства раскрыть не смогли...

...Он проснулся и сел на постели весь в испарине. Вот уже почти двадцать лет этот сон приходит к нему с неизбежной регулярностью. Скрипнув зубами, он вновь почувствовал во рту вкус горелого песка. Глубоко втянул в себя воздух, выравнивая дыхание. Затем встал, отдернул штору и выглянул на улицу.

По парку передвигалась уборочная машина. Мощным пылесосом она всасывала в себя мелкую каменную крошку, которой власти городка зимой посыпали обледенелые участки дорог, тротуары и пешеходные зоны. Переметный гравий тут же пересыпался в зафиксированный сзади прицеп. «Чего только эти австрийцы не придумают», – мелькнуло в проясняющемся сознании.

Несмотря на шум, вид из окна успокаивал. Он купил этот дом в тирольских предгорьях. Место было идеальным: внизу простирался обширный парк с небольшим озерцом. Близкое присутствие горного массива и несколько аккуратных домиков, живописно вписанных в скалистые склоны, создавали чувство покоя и уединения. Это определило его выбор.

Мужчина включил кофемашину и пошел в душевую. Ночной кошмар только во сне заканчивался хорошо, а наяву в его жизни произошла катастрофа.

Он хорошо помнил, что жене не помогли ни укол, ни кислородные подушки, которые он чудом обнаружил в подсобке разбомбленной аптеки. Он упрямо отказывался верить, что она мертва, хотя понимал, что все реанимационные действия совершает с мертвым телом. Бели бы можно было обменять жизнь на смерть, то он, не раздумывая, умер бы там, в том самом подвале. Он помнил, как сидел у тела жены и казнил себя за то, что вызвал семью к себе. Надо было настаивать на своей поездке в Москву! Он казнил себя за то, что не уберег самое дорогое, что у него было. Как, как он мог так беспечно пригласить их туда, где идет война?!

Иногда ему снились море, пальмы, коралловые рифы и белый песок в Ичанге. Большого счастья, чем тогда, он никогда потом не узнал. Видимо, это была вся мера счастья, положенного ему, и она была прожита им в эту неделю короткого отпуска.

Он помнил, как они лежали в термальных источниках среди зарослей кокосовых пальм и блаженно вдыхали сводящий с ума запах, который источали деревья, разогретые полуденным солнцем.

Они поднимались к одиноким горным пагодам с гигантскими статуями Будды, чудом сохранившимися с незапамятных времен, и смотрели вниз на причудливые скалы, раскинувшиеся в море. Некоторые из них были похожи на гладкие спины дельфинов и китов, и когда волна заливала их, то они блестели и слегка рябили на солнце, словно только что вынырнули из недр океана, лишь на миг оторвавшись от своих неведомых подводных игр.

Иногда они брали с собой на прогулку свою двухлетнюю дочку. Она шустро перебирала маленькими ножками и все время норовила убежать от них к морю. Он догонял девочку, легко поднимал на руки и целовал уже слегка подрумяненные южным загаром спинку, шейку, маленькие ступни. Тогда ему даже в страшном сне не могло привидеться, что через каких-то три дня осколок американской бомбы убьет жену и навсегда оставит шрам на этой крошечной ножке. Справа, на внешней стороне икры... От этих воспоминаний у него опять заныло сердце.

Глава 10

Нике пришлось несладко в эти дни. Вернуться к Наталье и попроситься переночевать гордость не позволяла. Да и не пустила бы ее Наталья. Выслушала бы, понаслаждалась ее униженным положением – и от ворот поворот. Сначала она ночевала в дешевой гостинице, но вскоре денег и на нее стало уже не хватать. А в институтское общежитие ее не пускали, поскольку Ника считалась москвичкой, и то, что ей внезапно понадобилось общежитие, начальство посчитало капризом.

– У нас иногородним мест не хватает! – ответила Нике начальница хозчасти. – А у тебя московская прописка, между прочим! С родителями небось поссорилась?

– У меня нет родителей... – тихо проговорила Ника.

– Но родня ведь какая-то есть? Вот и живи у них! А не нравится – квартиру снимай, так многие студенты делают!

Насчет съема квартиры Ника и сама думала. Но где взять деньги?! У нее едва хватало на то, чтобы купить утром растворимый кофе с булочкой, а в обед – шаурму. Ночевала она в зале ожидания на вокзалах. Одну ночь – на Казанском, другую – на Ярославском, третью – на Киевском. Пристраивалась где-нибудь в зале ожидания и дремала, делая вид, что ожидает ночного поезда. А вокзалы меняла, потому что не хотела мозолить глаза местной милиции. Москва уже кишела бездомными, и Ника не раз видела, как очередного бомжа грубо выталакивали за пределы вокзала.

Для нее это была настоящая школа жизни. Раньше она, студентка иняза, опекаемая матерью, и не представляла, какое оно – социальное «дно». Где люди не живут, а именно выживают. А теперь вот она сама оказалась в таком положении.

На Ленинградском вокзале, где Ника тоже ночевала пару раз, ее все-таки заприметили. Не милиция – тамошние сутенерши, что дежурили по ночам возле входа на станцию метро «Комсомольская».

– И чего ты тут ошиваешься? – задала вопрос пожилая крашеная блондинка, подойдя как-то поздним вечером. – Жить негде? Или заработок ищешь?

– Жить негде... – потерянно сказала Ника. – И деньги тоже нужны...

Блондинка критически ее оглядела:

– Ну, с такой внешностью зубы на полку класть не придется. От клиентов отбоя не будет, уж поверь моему опыту.

– Каких клиентов? – не поняла Ника.

– Обычных. Которые девчонок снимают – на час или на всю ночь. Условия у меня божеские: половину тебе, половину мне. На все денег хватит – и на еду, и на жилье. Еще и приденешься по-человечески.

– Пойдите, пойдите... – Ника даже задохнулась от чудовищно оскорбительного предложения. – Так вы мне что, проституткой работать предлагаете?!

Блондинка хохотнула, затем огляделась:

– Чего кричишь-то? Тут менты свои, конечно, но мало ли что... Не хочешь проституткой называться – называйся «ночной бабочкой». Главное, живые бабки поимеешь. Ну? Соглашайся, прямо сегодня в кармане зазвенит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.